

Символы и символические структуры в романах о детях военного времени: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» М. Зусака

<https://doi.org/10.31483/r-153543>

УДК УДК 821.161.1-93(09)«1941-1945»:82-98

Лазуткина О. А.^а, Машукова Д. А.^б

Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
г. Старый Оскол, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0009-0009-8765-419X>, e-mail: oalazutkina@mail.ru

^б <https://orcid.org/0009-0009-6189-1699>, e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Резюме. В статье проводится компаративный анализ символов и символических структур в романах «Книжный вор» австралийского писателя М. Зусака и «Ночевала тучка золотая» советского автора А. Приставкина. Несмотря на различия культурного и исторического контекста — Холокост в нацистской Германии и депортация народов в Советском Союзе — оба произведения обнаруживают типологическое сходство в использовании символических стратегий для репрезентации детского опыта войны. Теоретической основой исследования служат работы по философии и теории символа, нарратологии, теории травмы и концепция мультинаправленной памяти М. Ротберга. Методология включает компаративный, структурно-семантический, мотивный, нарратологический, контекстуальный и интертекстуальный анализ. Исследование выявляет универсальные механизмы символизации травматического опыта: символику слова и книги как средства сопротивления тоталитарному режиму, спасения и сохранения культурной памяти; символические мотивы парности и близничества; символично-нарратологическую функцию образа Смерти, цветовую символику. При общности ключевых тем (детство и война, сиротство, репрессии) тексты демонстрируют различные модели доступа к слову: активное овладение культурой у М. Зусака и исключенность из мира культуры у героев А. Приставкина. Применение комплексной методологии позволяет продемонстрировать, как оба автора используют символические структуры для артикуляции опыта исторической катастрофы.

Ключевые слова: символ, дети войны, компаративный анализ, А. Приставкин, М. Зусак, символические структуры, система парности и близничества.

Для цитирования: Лазуткина О. А. Символы и символические структуры в романах о детях военного времени: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» М. Зусака / О. А. Лазуткина, Д. А. Машукова // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 1 С. 20-24. DOI 10.31483/r-153543. EDN QBXMKT

Research Article

Symbols and Symbolic Structures in Novels About Wartime Children: “The Golden Cloud Stayed Over” by A. Pristavkin and “The Book Thief” by M. Zusak

Olesia A. Lazutkina^а, Daria A. Mashukova^б
Starooskolsky Branch of Belgorod State University
Stary Oskol, Russian Federation.

^а <https://orcid.org/0009-0009-8765-419X>, e-mail: oalazutkina@mail.ru
^б <https://orcid.org/0009-0009-6189-1699>, e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of symbols and symbolic structures in the novels “The Book Thief” by the Australian writer M. Zusak and “The Golden Cloud” by the Soviet author A. Pristavkin. Despite the differences in cultural and historical context — the Holocaust in Nazi Germany and the deportation of peoples in the Soviet Union — both works share a typological similarity in their use of symbolic strategies to represent the children’s experiences of war. The theoretical basis of the study is the works on philosophy and the theory of symbol, narratology, the theory of trauma, and the concept of multidirectional memory by M. Rothberg. The methodology includes comparative, structural-semantic, motivational, narratological, contextual, and intertextual analysis. The study reveals the universal mechanisms of symbolization of traumatic experience: the symbolism of the word and the book as means of resistance to a totalitarian regime, salvation, and preservation of cultural memory; symbolic motifs of duality and twinning; symbolic-narrative function of the Death image, color symbolism. It is shown that, despite the commonality of key themes (childhood and war, orphanhood, repressions), the texts demonstrate different models of access to the word: active mastery of culture in M. Zusak and exclusion from the world of culture in the characters of A. Pristavkin. The use of a comprehensive methodology allows us to demonstrate how both authors use symbolic structures to articulate the experience of historical catastrophe.

Keywords: symbol, comparative analysis, children of war, A. Pristavkin, M. Zusak, symbolic structures, system of pairs and twins.

For citation: Lazutkina O. A., & Mashukova D. A. (2026). Symbols and Symbolic Structures in Novels About Wartime Children: “The Golden Cloud Stayed Over” by A. Pristavkin and “The Book Thief” by M. Zusak. *Ethnic Culture*, 8(1). 20-24. EDN: QBXMKT. <https://doi.org/10.31483/r-153543>

Введение

В литературе о детстве и войне детский нарратив представляет уникальную перспективу осмысления исторической катастрофы через сознание ребенка. Мы обратились к двум произведениям, разделенным культурными границами и историческими контекстами, но демонстрирующим поразительное сходство в символических стратегиях репрезентации детского опыта войны: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» австралийского писателя М. Зусака. В рамках теории мультинаправленной памяти М. Ротберга¹ «события депортации народов и отражение этой темы в русской и национальных литературах»² и преследования евреев в Германии в годы Второй мировой войны оказываются продуктивными не для создания ложной эквивалентности, но для выявления универсальных механизмов репрезентации геноцида в литературе.

Современный художественный текст наполнен многомерными символами и символическими структурами. А. Ф. Лосев³, в частности, утверждает восприятие символа в реалистическом искусстве в виде органического единства идеи и образа. Фундаментальные работы по теории символа представлены разнонациональными исследованиями Э. Кассирера⁴, Ю. Лотмана [Лотман, 2023], К. Лангера⁵, Р. Якобсона⁶ и других, они и составляют основу предлагаемого исследования.

Военная тематика на сегодняшний день приобрела в контексте гуманитарного знания острую социальную актуальность, поэтому исследование детской травмы в творчестве А. Приставкина и М. Зусака важно для понимания глубинных механизмов воздействия исторических событий на формирование личности и общества. В контексте данного исследования нас интересует не «героический нарратив», не «героическая модель поведения ребенка на войне» [Маглинская, 2019, с. 195], но проблема внутренней силы детей перед лицом жестокой опасности. Символические структуры анализируемых произведений выступают средством объективизации и осмысления травматического опыта, что имеет терапевтическое и аналитическое значение для читателя и исследователя.

Отметим, что компаративный анализ произведений «Ночевала тучка золотая» и «Книжный вор» в критических источниках не представлен, однако произведения объединяют общие стержневые темы, делающие их сравнение литературно значимым: детство и война, беспризорность и потеря семьи, система репрессий и политического насилия, социально-политический контекст.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили два художественных произведения о детях военного времени: повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1987) и роман М. Зусака «Книжный вор» (2005). Тексты рассматриваются как репрезентативные примеры художественного осмысления детской травмы в условиях исторических катастроф разного типа: депортации народов в Советском Союзе и Холокоста в нацистской Германии.

Авторы исследования ориентируются на теоретические работы по проблемам символа и символических структур, исследования по теории травмы и памяти, а также концепцию мультинаправленной памяти М. Ротберга, позволяющую сопоставить различные исторические контексты без их уравнивания.

Методологическую основу составляет комплекс качественных гуманитарных методов, ориентированных на интерпретацию художественного текста: компаративный анализ, который применяется для выявления типологического сходства и различий в системе символов и символических структур двух произведений (символика слова и книги, природные образы, цветовая символика, система парности и близничества, мотив утраченной невинности); структурно-семантический и мотивный анализ, направленный на описание и классификацию ключевых символов, мотивов и их функций в формировании образа ребенка на войне и в репрезентации травматического опыта; нарратологический анализ, позволяющий рассмотреть особенности детского нарратива, способы фокусировки сознания ребенка, специфику рассказчика, временную организацию повествования и их роль в конструировании символических структур; контекстуальный и интертекстуальный анализ, используемый для выявления связей с культурной и литературной традицией (в частности, с лермонтовским текстом в повести А. Приставкина), а также для соотнесения образной системы произведений с историко-культурным и идеологическим контекстом; подход к теории травмы и памяти, позволяющий интерпретировать символические структуры как способы художественной артикуляции невыразимого опыта войны, геноцида и депортации и как механизм культурной памяти и сопротивления дегуманизирующим практикам.

Применение комплексной методологии обеспечивает многоплановый анализ текстов: от выявления и описания отдельных символов до реконструкции целостных символических структур, отражающих модели переживания и преодоления детской травмы в условиях тоталитарного насилия и войны.

Результаты исследования и их обсуждение

Центральным символом обеих книг является слово. Так, у А. Приставкина название отсылает к лермонтовской поэтической строке: *Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана*. Для главных героев повести, братьев, детдомовских Кольки и Сашки, эта романтическая образность остается недостижимым идеалом, контрастирующим с суровой реальностью войны и депортации.

¹ Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford: Stanford University Press, 2009. 379 p.

² Монисова И. В. Программа учебной дисциплины «Литературы народов России» // СТЕПАНОВС. 2020. № 2. С. 145.

³ Лосев А. Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. Москва: Искусство, 1995. 319 с.

⁴ Кассирер Э. *Философия символических форм*. Москва: Университетская книга, 2002. Том 1. 272 с.

⁵ Лангер С. К. *Философия в новом ключе*. Москва: Республика, 2000. 287 с.

⁶ Якобсон Р. О. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс, 1987. 461 с.

«Герои его повести оказываются в более сытом, чем Подмосковье, месте <...> Северный Кавказ 1944 года, откуда за несколько месяцев до приезда туда эвакуированных детей войска НКВД депортировали чеченцев и ингушей» [Майофис, Куклин, 2024, с. 271]. Н. А. Белоконь-Пожарицкая совершенно справедливо утверждает, что «во все времена институт сиротства формировался в результате войн, эпидемий, голода, высокой родительской смертности, политических, экономических, социальных и культурных кризисов»⁷. А. Приставкин изображает растерянность и слезы сироты после осознания жестокой смерти родного брата (истерзанного тела, распятого на заборе) в параллели с образом утеса. Поэтическое лермонтовское слово усиливает мотив беспредельного одиночества юного героя.

М. Зусак также выстраивает повествование на символической структуре слова. Маленькая девочка Лизель, живущая в нацистской Германии, у которой на глазах умирает младший брат, находит источник спасения в книгах. Первая украденная Лизель книга — «Справочник могильщика» — становится связующим звеном с умершим братом и отправной точкой в овладении грамотностью. «Она [Лизель] задалась вопросом, в какой момент книги и слова стали не просто что-то значить, а значить все». Слово в романе М. Зусака символизирует силу, спасение и сопротивление тоталитарной идеологии. В контексте нацистской Германии, где книги сжигаются на площадях, акт кражи книг главной героиней Лизель Мемингер становится актом гражданского неповиновения и утверждения автономной личности.

К образам братьев Сашки и Кольки Кузьменьшей А. Приставкина и Лизель М. Зусака можно применить высказывание С. Г. Маслинской о сюжетобразующем мотиве усыновления сироты. «С точки зрения типологии персонажей, эти сюжетные вариации едины: дети, потерявшие родных, нуждаются в опеке и обретают ее» [Маслинская, 2019, с. 202]. Мальчики находят материнскую заботу в лице воспитательницы колонии Регины Петровны, а Лизель в приемных родителях — четы Розы и Ганса Хуберманов. Именно усыновитель учит девочку читать и понимать слово как основу мира.

Книга в романе «Книжный вор», как и поэтическое слово в повести «Ночевала тучка золотая», выполняют символическую охранную функцию существования культуры, красоты и гуманности в мире, где эти качества вытеснены детскими страданиями, войной, голодом, насилием. «Главным богатством Лизель являются книги, сложенные из множества слов. Она относится к ним с благоговением и любовью»⁸. В отличие от Лизель, которая активно овладевает грамотностью и словом как орудием сопротивления, братья Колька и Сашка остаются исключенными из мира культуры. Их доступ к слову опосредован через обрывки слышанного, фрагменты, не составляющие целого. Тем не менее, слово в обеих книгах — есть символ возможного выживания

⁷ Белоконь-Пожарицкая Н. А. Проблема сиротства в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2022. № 15. С. 45.

⁸ Садриева Г. А. Колоративный символизм в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Набережные Челны, 2019. С. 129.

через интеллектуальное, эмоциональное, даже интуитивное сопротивление.

Центральным символическим мотивом в исследуемых произведениях является близничество как поиск универсальной целостности. Близнецы в фольклорной и литературной традиции славян символизируют неразрывную связь. В тексте у А. Приставкина «связь и сходство близнецов ведут к их известному отождествлению»⁹, постоянно подчеркивается единство братьев Кольки и Сашки: «Тут они едины: Кузьменьши. Если вдруг один, то вроде бы половинка. Но поодиночке их видели редко, да можно сказать, что совсем не видели! Вместе ходят, вместе едят, вместе спать ложатся». Автор сосредотачивает свое внимание на неразделимом целом «Колька и Сашка, или Сашка и Колька». Однако смерть Сашки разрушает эту целостность. Колька, оставшийся один, теряет не только брата, но и часть себя. Символика расщепленного «я» отражает травму не только личную, но и коллективную: война разрушает идентичности, разрывает связи, делает невозможным возвращение к прежней целостности.

В романе М. Зусака также присутствует система парности. Она иная, нежели у А. Приставкина, но служит схожей цели. Главная героиня «Книжного вора» девочка Лизель и ее друг Руди Штайнер — пара, дополняющая друг друга. Мальчик, восхищающийся чернокожим атлетом Джесси Оуэнсом и красящий себя углем, символизирует невинное непонимание расовой идеологии нацизма. Лизель интуитивно видит в нем единомышленника. Смерть Руди во время бомбардировки культивирует тему несостоявшейся любви и украденного будущего. «Лизель склонилась и посмотрела в его безжизненное лицо и поцеловала своего лучшего друга Руди Штайнера в губы, мягко и верно. На вкус он был пыльный и сладкий. Вкус сожаления в тени деревьев <...>. Она целовала Руди долго и мягко, а когда оторвалась от его губ, еще раз коснулась их пальцами. Руки у нее тряслись, губы наполнились, и она еще раз склонилась, на сей раз — не владея собой...». В контексте случайной детской смерти в условиях войны значимы слова А. Ассман о роли пассивной жертвы, «которую следует четко отличать от героической мученической жертвы», ее абсолютная пассивность коннотирует «с невинностью и чистотой»¹⁰. Мотив утраченной невинности через встречу со смертью сопровождает переход Лизель во взрослую жизнь.

Система парности в романе расширяется и выделением дружбы Макса Вандербурга и Лизель, объединенной словом и книгой. Макс, еврей, скрывающийся в подвале в доме родителей героини, и Лизель создают пространство сопротивления нацизму через совместное чтение и письмо: «А иногда, где-то в просветах между точкой и следующей прописной буквой, ей встречался Макс. Лизель вспоминала, как читала ему, когда он болел. В подвале он или нет, гадала она. Или опять вышел украсть кусочек неба?».

⁹ Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. С. 5.

¹⁰ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. С. 49.

Связь этих двух персонажей в процессе чтения и письма, а затем воспоминаний о них, функционирует не как простое удвоение или параллелизм, а как попытка создать альтернативный нарратив, параллельный официальному дискурсу Третьего рейха.

Уникальной нарративной особенностью романа М. Зусака становится выбор нарратора. В. Я. Пропп¹¹ и современные теоретики нарратива А.-Ж.Греймас¹², К. Бремон¹³, Ц. Тодоров¹⁴, В. Шмид¹⁵, С. Чатмен¹⁶ и др. рассматривают нарратив как структуру, организующую события, действующих лиц и их действия в осмысленную последовательность, имеющую начало и финал. Важным для понимания нарратива оказывается и композиционная организация. Смерть в романе «Книжный вор» является повествователем, создавая, таким образом, нарративную модель художественного текста. С помощью данного типа повествователя автор достигает эффекта остранения и глубокого сопереживания. «Поскольку нарратор живет как вечное постороннее существо, наблюдающее за человечеством, персонифицированная смерть обладает внешней точкой зрения на человеческие страдания»¹⁷. Необходимо заметить, что с позиции нарратологического анализа Смерть, безусловно, является фокальным персонажем, глазами которой читатель наблюдает за событиями.

М. Зусак трансформирует устоявшуюся символику образа Смерти в своем романе за счет инверсии традиционных ролей — Смерть выступает как гуманная фигура, не приводящая в ужас людей. Специфическое положение нарратора заключается в том, что он служит мощным инструментом критики тоталитарной системы, которую выстроил А. Гитлер, «уничтожил демократию и построил диктатуру»¹⁸. Смерть говорит: «I'm haunted by humans» («Меня преследуют люди»).

Цветовая символика романа дополняет присутствие нарратора. Так, Смерть воспринимает мир через цвета небес в момент отсоединения души от плоти: «Сначала приходят цвета. Затем люди». В «Книжном воре» так или иначе варьируются сочетания трех цветов — черного, белого и красного. Изначально ассоциируясь с нацистским флагом, данное цветовое сочетание составляет символическую структуру траура и мрака. «Они накладываются друг на друга. Черная небрежной закорючки на белую спящего земного шара и на густую похлебочную красную».

Очевидно, что структура нарратива в романе М. Зусака выстраивается через перспекцию, тем са-

мым подчеркивая исключительность всезнающего повествователя. Смерть заранее сообщает читателю о будущих трагедиях, создавая эффект неизбежности.

В отличие от М. Зусака А. Приставкин более традиционен в создании нарративного дискурса. Он использует форму повествования от третьего лица, но достигает похожего приема остранения с помощью детской точки зрения. Более того, в тексте одновременно сосуществуют точка зрения автора и детская точка зрения — психологическая точка зрения героя, мотивированная его возрастом, которая и передает его пространственно-временную позицию. Так, мучительная смерть одного из героев передана глазами его брата. Передача детской точки зрения выражается в многократных повторах имени Сашка, подчеркивающие невозможность поверить в происходящее: «Сашка не стоял, а висел», «выражение лица у Сашки ужасно дурашливое».

Выводы

Проведенный сравнительный анализ некоторых символических структур в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» и романе М. Зусака «Книжный вор» выявил универсальные механизмы репрезентации детской травмы, обусловленной войной, депортацией и геноцидом. Этот ряд можно продолжить и другими символами, например, смерти, перекликающимся с «танатологическими мотивами» [Неткачева, Хрущева, 2022, с. 5], природы, цвета, что может стать перспективой дальнейшего исследования.

Слово и книга функционируют в обоих произведениях как символы сопротивления, спасения и культурной памяти, противостояния дегуманизирующему воздействию тоталитарных систем и военного насилия. Значительная разница в активности героев в овладении словом (Лизель как активный субъект культуры и братья Кузьменыши — исключенные из мира культуры) демонстрирует различные модели преодоления травмы. Символ близнечества играет роль преодоления разобщенности и разрушения единства.

Исследование подтверждает, что символические структуры художественных произведений позволяют осмыслить глубинные механизмы воздействия исторических катастроф на формирование личности и общественного сознания.

¹¹ Пропп В. Я. Морфология сказки. Ленинград: Academia, 1928. 152 с.

¹² Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. Москва: Прогресс, 2000. С. 153–170.

¹³ Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствознание. Москва: Мир, 1972. С. 108–135.

¹⁴ Тодоров Ц. Грамматика повествовательных текстов // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1978. С. 450–463.

¹⁵ Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

¹⁶ Chatman S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film // Journal of the University Film Association. 1980. 32. P. 71–74.

¹⁷ Садриева Г. А. Там же.

¹⁸ Демесинова Ф. Б. Тоталитаризм и его социально-философское значение // Вестник Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. 2024. № 1. С. 215.

Список литературы

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Эксмо, 2023. 512 с.

Майофис М., Куклин И. Позднесоветская литература об этнических депортациях в полемике с советским романом воспитания // Новое литературное обозрение. 2024. № 4. С. 255-281. DOI [10.53953/08696365_2024_188_4_255](https://doi.org/10.53953/08696365_2024_188_4_255). EDN [NMAVLT](https://doi.org/10.53953/08696365_2024_188_4_255)

Маслинская С. Г. Насилие и травма в детской литературе 1941–1945 годов // Русская литература. 2019. № 2. С. 194-203. DOI [10.31860/0131-6095-2019-2-194-203](https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-194-203). EDN [DXKXUO](https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-194-203)

Неткачева Е. Д., Хрущева О. А. Танатологические мотивы в романе Маркуса Зусака // Мировая литература в контексте культуры. 2022. № 14. С. 53-59. DOI [10.17072/2304-909X-2022-14-53-59](https://doi.org/10.17072/2304-909X-2022-14-53-59). EDN [BSXKJF](https://doi.org/10.17072/2304-909X-2022-14-53-59)

References

Lotman, Yu. M. (2023). *The Structure of the Fictional Text.*, 512.

Mayofis, M., Kuklin, I. (2024). Late Soviet literature on ethnic deportations in controversy with the Soviet novel of education. *New Literary Review*, 4, 255-281. EDN: [NMAVLT](https://doi.org/10.53953/08696365_2024_188_4_255). https://doi.org/10.53953/08696365_2024_188_4_255

Maslinskaya, S. G. (2019). Violence and trauma in children’s literature of 1941–1945. *Russkaya literature*, 2, 194-203. EDN: [DXKXUO](https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-194-203). <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-194-203>

Netkacheva, E. D., Khrushcheva, O. A. (2024). Thanatological Motives In The Novel “The Book Thief” By Marcus Zusak. *World Literature in the Context of Culture*, 14, 53-59. EDN: [BSXKJF](https://doi.org/10.17072/2304-909X-2022-14-53-59). <https://doi.org/10.17072/2304-909X-2022-14-53-59>

Информация об авторах

Лазуткина Олеся Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета г. Старый Оскол, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8765-419X>;
e-mail: oalazutkina@mail.ru

Машукова Дарья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета г. Старый Оскол, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6189-1699>;
e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.01.2026
Принята к публикации 18.03.2026
Опубликована 23.03.2026

Information about the authors

Olesia A. Lazutkina – candidate of philological sciences, associate professor, Starooskolsky Branch of Belgorod State University Stary Oskol, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8765-419X>;
e-mail: oalazutkina@mail.ru

Daria A. Mashukova – candidate of philological sciences, senior lecturer, Starooskolsky Branch of Belgorod State University Stary Oskol, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6189-1699>;
e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Received 22 January 2026
Accepted 18 March 2026
Published 23 March 2026